

Любовь и жизнь певицы

Культура, — 1998, — 9-15 июля. 213

7 июля Нине Львовне Дорлиак исполнилось бы девяносто лет

Когда они со Святославом Теофиловичем начали выступать вместе, появились суждения, что она не соответствует его масштабу. Но тех, кто считал: это не только дуэт равных, он во многом растет благодаря ей, — в ее аудитории было больше. Не могла не сказываться семилетняя разница в возрасте, хотя бы в чисто человеческом плане. К тому же к моменту их встречи она уже была опытным концертантом со сложившейся судьбой, а у Рихтера еще все было впереди. Вспоминали, и что она ввела его в московские артистические круги, и что окончила три курса фортепьянного факультета Петербургской консерватории.

Да, он поражал космизмом мышления, а она работала в жанре миниатюры. Но жанр был "пристанищем" интимного человеческого чувства, миром, где сохранялось достоинство индивидуума в те годы, когда частное было не в чести. Поэтому на ее концертах не только наслаждались музыкой, на ее концертах почерпывали нечто очень важное для своего духовного и душевного строительства. В

обоих был магнетизм, только разного, если можно так сказать, "цвета". Его — яркий, ее — приглушенный, который, может быть, сразу не ощутишь, но, ощутив, уже подпадаешь под него на всю жизнь.

Она оставила сцену рано, когда ей не было и пятидесяти. И решила это в одночасье, после первых же двух концертов, на которых ей стал изменять голос. Люди еще долго, наверное, лет десять, иногда прямо на улице спрашивали ее: а когда ваш следующий концерт? Правда, потом она жалела о своем уходе. Говорила, что если бы переждала, перетерпела нервное состояние, владевшее ею в то время, если бы уменьшила свои нагрузки, то, может быть, еще пела бы. Душа ее рвалась на сцену — слишком велик был пласт той музыки, которую ей хотелось еще исполнить, и слишком многое она еще могла сказать, а безупречной, без малейшей фальши вычерченной ею линии жизни женского сердца верили абсолютно.

В ней видели романтическую героиню европейского склада (чему немало способствовала и вос-

паренность, не "наша" хрупкость ее облика). Французская, немецкая музыка ей удавалась удивительно — может быть, потому, что собственная родословная Дорлиак уходит корнями в эти культуры: мать, знаменитая в свое время вагнеровская певица, была из рода немецких баронов Фелляйзен, дед по отцовской линии — француз. Но ее поклонники вспоминают, как наворачивались слезы и тогда, когда она пела русскую музыку, какой иногда пронзительный эффект соучастия рождался, когда она пела современную музыку — Мясковского, Шостаковича, Прокофьева, например. Маленькие штрихи: прокофьевскую "Болтунью" она любила исполнять на бис, а его же "Гадкого утенка" спела ровно в тот день 1948 года, когда вышло недоброй памяти Постановление ЦК, громившее композиторов-формалистов. Многие бы певицы на месте Нины Львовны отменили под любым предлогом тот концерт...

"Какая победоносная и мучительная поездка!" — восклицала она в одном письме из Америки, где сопровождала Святослава Теофиловича в концертном турне. Победоносная — потому что видела его триумф и, конечно, была счастлива. Мучительная — потому что ее ни на минуту не оставляли мысли: как там Митя, как девочки?

Можно сказать, что всю жизнь она разрывалась между любимым племянником, бывшим ей, в сущности, сыном, своими студентками и Святославом Теофиловичем с его непредсказуемой конституцией гения, между его концертной жизнью, вся внешняя сторона которой была в ее руках, и своей концертной жизнью. А можно сказать: ей было дано великое счастье все это совместить.

Для большинства она была женой Рихтера. Кто-то к этому добавит: и выдающейся камерной певицей. Но прежде всего она была аристократкой духа, сочетавшей в себе хрупкость и мужество. Она ушла. Свидание с другим, XIX веком подошло к концу.

Лариса ДОЛГАЧЕВА

P.S. Автор благодарит близких Нины Львовны за помощь в работе над материалом.

Фото Э. ЛЕВИНА